

18+

Сергей Пилипенко
Ампула Нефертити

Сергей Викторович Пилипенко

Амплуа Нефертити

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=50671628

SelfPub; 2020

ISBN 978-5-532-07778-2

Аннотация

Правдива эта история или нет, как говорится, покажет время. Оно же определит в дальнейшем и судьбу всего человечества. Не такой уж простой оказалась жизнь на Земле царицы Нефертити, и вовсе не о том гласят официальные источники современной науки. Раскрыть подлинные цели ее присутствия и призвана настоящая книга, в основе своей располагающая к чтению простотой и доступностью понимания. Тайны, окутанные сумраком веков, наконец вырываются из прошлого и наполняют наш мир новым потоком знаний.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. Храм любви	8
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Пролог

История любви царицы Нефертити не может быть воспринята всеми однозначно, да и само прошлое не всегда способно донестись до нас так, как возможно хотели бы герои того времени.

Этот совсем небольшой рассказ поможет несколько разобраться в той ситуации, что сложилась на тот период на Земле и внесет некоторую ясность в дело, так называемой, человеческой любви.

Ничто так безбожно не смотрит на мир, как ее откровение, и данная тема избрана вовсе не случайно.

На Земле наступил период новой пылкоопасной любви, который может практически полностью довести людей до утомительного характера ее воспроизводств и практически свести на нет весь геносостоящий запас человеческого видо-происхождения.

Этот процесс вполне можно обозначить синдромом драгораствующего времени, или, говоря несколько иными словами, сильным экологического характера загрязнением от преобразований в среде драгметаллов, что, само по себе, способно разрушить существующий геноуклад человеческого характера.

То есть, человеческий ген может попросту раствориться в пространстве, и природа воссоздаст новую, генетически ис-

полненную величину.

Технология и прогресс, наука и раскредитация геосложившихся фронтов в среде создают основу для такого решения со стороны самой природы.

Настоящий рассказ – это фактически воспоминания одного человека, прошедшие через года и сохранившиеся в памяти, как, действительно, что-то непомерно впечатляющее.

Не всегда задачи, стоящие перед космосом в отношении нас самих так вот просто доводятся до нашего же сознания и тем более, изъясняются все ближе к нашему практически простому пониманию.

И в содержащемся здесь сюжете такая попытка проявляется, предоставляя право нам понять, что в жизни ничего простого не бывает и особенно, когда речь касается лиц, занявших в истории какие-либо основополагающие позиции.

Какие такие цели стояли перед Нефертити – вы узнаете непосредственно из самого рассказа, исполненного в виде остросюжетной мистики с примесью той самой пылкой любви, что вообще хоть, когда существовала на Земле.

Ну и последнее в этом кратком обращении.

Любая критика человеческой любви исполнения – есть самое простое издевательство над чьим-то критерием совершенства тела и духа.

Или есть прямое нападение на состояние ума всякого рода существа со стороны другого, именующегося порядком ниже только за то, что он попытался дать оценку тому либо

иному действию самой любви.

Любовь – это закон и пока еще основа всякой жизни.

Не надо смешивать это с распутством и прочим подобным, хотя даже в этом имеются свои каноны той же практической любви.

И дело личного ума – определение всякой тяжести критической степени досягаемости любви. Важна основа ее и всякое отторжение зла от исполнения фактов любвеобилия.

Вот это воистину страшно. Все же остальное, не попадающее в данный разряд – есть не что иное, как сама любовь в разных ракурсах восприятия и различных степенях учености души.

Слепота – залог добродушия. Слепота в любви – это низвержение всякого существа зла. Поняв это, вы поймете и несколько иное.

Любовь – это практика исполнения функции слияния души.

На сколько велика аспектная стоимость такого слияния – на столько же велика, или продолжительно долговечна, сама любовь.

Хотя долговечность и привязанность – есть не самое совершенное в любви исполнении, ибо в этом случае, есть значимо большее.

Это категорийность стоящего рядом ума и его действительное участие в состоянии всякого тела.

Это самое краткое высказывание о любви и к этому мы

совместно еще возвратимся.

А пока, как говорится, оставим все это в стороне и на время перенесемся в мир древности, заранее предвкушая отдельные моменты сладости той самой любви.

Ведь речь пойдет о мире наших предков, уходящем глубоко внутрь наших голов и творящем, порою, чудеса земные в благоденствие состояний нашего же ума.

Глава 1. Храм любви

(Вообще-то, это рассказ от души, а значит, практически, правдивая история, очевидно закупоренная где-то внутри себя и только сейчас способная взойти в свет)

Я не был греком, но я не был и тем, кого можно назвать египтянином, или даже кем-то другим. Я просто солдат, и я просто сижу здесь, дожидаясь своей очереди.

Вы можете подумать, что это смешно, или даже очень печально, но поверьте моему древнему опыту в таких делах.

Это даже, наоборот, хорошо. Я имею возможность убедиться в своей собственной глупости, своей мужской беззащитности пред очагом женской плоти.

Я сижу тут и думаю:

«А зачем я здесь? Грек Немидий, что тебе надо у этого порога?»

И тут же отвечаю самому себе:

«А, что нужно тем, которые ожидают уже много дней и так же, как я, страдают под палящим солнцем, от которого трескаются губы и лопается кожа в некоторых сугубо потаенных местах...»

... Но вот, очередь продвинулась на одного, и теперь наступил мой черед. Долго же я ждал этого дня и этой минуты, когда смогу ступить ногой в этот храм и опуститься рядом в ложе с величайшей царицей Меносота – Нефертити.

Кто дал ей это имя – я не знаю. Но слышали его многие и от многих, побывавших здесь, и я слышал об упоениях любви.

Что такое сама любовь – я также не знаю. Я вырос в саду, я помню большие деревья, я знаю своих отца и мать, но я вовсе не изведаль любви.

И вот я здесь, чтобы хоть как-то понять и поверить, что есть действительно то, о чем говорят и о чем толкуют тут многие, уже прошедшие это самое понимание любви и желающие повторить его вновь.

И они снова занимают очередь и уже сидят где-то далеко позади, выслушивая одну за одной легенды о дикой красоте Нефертити и ее страстной пылкой любви.

Жрец вышел из храма и направился сразу ко мне.

– Долго ли стоять мне еще? – решил спросить я на всякий случай, втайне все же зная, что сейчас зайду внутрь.

– Обожди, грек-солдат, – так жрец обращался ко мне, завидя мою давно бритую голову и легкий меч, болтающийся на поясе и свисающий аж до колен, – сегодня все, приема не будет, – объявил тут же человек богов и, обратившись ко мне, сказал, – а теперь, ты, пойдем со мною. Смотри, не споткнись тут по дороге. Не хорошо раньше времени ложиться, – и жрец скупой улыбнулся мне в глаза.

– Не робей, – продолжил он, ведя меня за собою по какому-то длинному туннелю, впереди которого мерцали слабые огни.

– А я и не робею, – совсем без страха отвечал я, хотя чувствовал, как внутри все сжимается от нарастающего страха и веет всякую неуверенность.

Жрец молчал, а я шел за ним по пятам. На тридцать четвертый день своего пребывания здесь мне все-таки удалось добиться того, чего желал я так уже давно.

Многие изнемогали от жажды и даже умирали в той самой очереди, которую создала эта жрица – Нефертити-царица.

Но никто даже словом не молвил об этом, и очередь молча продвигалась на чью-то падшую жизнь вперед без тени упрека в адрес царицы и тем более, какого-либо божества.

Так же страдал и я – без еды, без питья. Только раз в день за небольшую плату нам приносили мальцы поесть.

Какие-то кукурузные семена вперемешку с телячьими потрохами. Приносили они потом и воду, но за нее брали вдвойне.

Драхмий не хватало. Но у меня они были. Ведь я -солдат. Правда, не разбогатевший в той войне, что велась, а скорее обнищавший.

Но я сохранил все же верность своему намерению и решил добиться той самой любви, чего бы это ни стоило.

А стоило это действительно дорого.

Только мне одному, да еще некоторым и было то под силу. То есть тем, у кого были драхмии. или другие деньги. Здесь было все равно, чем платить. Важно, чтобы это было золото

или серебро.

Правда, некоторые рассчитывались и камнями. Но таких было мало. Я потерял в этом своем ожидании многих своих собеседников, часть которых поистине становилась друзьями в этой нелепой схватке простого ума с дикой феей гордой любви.

Так еще называли Нефертити ее же поклонники из далеких-далеких краев.

Но все же, несмотря на безденежье, многие держались. Пока у них хватало сил – они ждали. Силы терялись, и они исчезали. Можно сказать даже, испарялись, так как их быстро уносили прочь и закапывали тут же в песок.

Таких могил было множество. И, собственно, вся очередь состояла на них. Но то были еще только свежие тела, не до конца остывшие или остекленевшие. Вечером же их вновь раскапывали и уносили прочь. Куда? Я не знаю.

То делали какие-то люди в белых одеждах и масках на головах. Кто они – я тоже не знаю. Но может быть сама царица просветит меня по этому поводу, если, конечно, я сам не забуду и упрошу ее в ночь. А то, что мне предлагалась ночь любви, было ясно, как день, уже близившийся к концу, или солнце, догорающее где-то вдали.

Считалось, что оно умирает, а на утро рождается вновь. Боги охраняли его от всего и наполняли землю теплом.

Увидеть, узнать, любить и умереть – таким был девиз тех, кто ожидал еще снаружи. Я же своего добился.

И вот она – царица и жрица небес. Я остановился. Остановился и жрец, указывающий мне дорогу, и посмотрел на меня.

– Что? «Нездоровится?» — строго спросил он, оглядывая меня с ног до головы.

– Нет, нет, – тут же опротестовал я его слова, – это я так, просто задумался.

– Смотри мне, не ври. Жрица узнает – будет тебе не любовь, а смерть долгая и мучительная на столе жертв, – предупредил он меня и снова подался вперед по тому же длинному коридору.

«Бог мой, – подумалось мне в ту минуту, – а вдруг, я болен, – сильная дрожь пробежала по всему телу, и я снова остановился, но лишь на секунду.

Снова взяв себя в руки, я зашагал быстрее, догоняя шагом быстро идущего жреца.

– Что это с тобой? – спросил он меня, не оборачивая головы, – Боишься, что болен? – спросил он на ходу.

– Да, боюсь, – честно признался я, втайне скрывая в себе немного растущую ненависть ко всему тому, что зовется любовью.

– Как, уже? – услышался мне вдруг чей-то мелодичный голос, и в ушах словно зазвенело.

– Что это? – прошептал я и остановился столбом.

Но ничего такого больше не продолжалось и мне пришлось снова догонять жреца, уводящего меня в какую-то

другую вереницу ходов.

– Куда мы? – быстро спросил я его.

– Зачем тебе знать, – ответил тот, так же не поворачивая головы.

– Да, просто, – тихо согласился я и тут же громче добавил, – хочу знать, где умру.

– Ха, ха, – засмеялся чей-то голос у меня в голове, а жрец в это время остановился и, обернувшись, спросил у меня в упор.

– Ты что, серьезно болен? «Есть еще время не угодить ей в лапы», — тихо прошептал он.

– Я.., не болен, – ответил я, – но мне почему-то страшно.

– Не бойся, – сурово произнес жрец, – ты не умрешь. Я знаю.

– Откуда?

– Оттуда, – ответил тот и показал пальцем вверх.

– Боги? – удивился я, хотя удивляться было особо нечему.

– Да, Боги, но и не только они, – как-то смутно прояснил он мне, – ладно, пойдем быстрее. Царица уже, наверное, заждалась. Ты ведь последний сегодня.

– Да, последний, – тихо ответил я и поплелся следом, лишь как-то издали ловя в голове мысль «тебя я сделаю первым».

– Что это? – снова подумалось мне, но времени уже не осталось.

За небольшим изгибом стены прямо перед нами выросла

большая золотая комната, в которой с чашей в руках сидела сама царица.

– О, жрица любви, великая царица минов! -воскликнул жрец и упал на колени, склонив голову книзу и замирая на минуту в таком состоянии.

– Что ты? – спросила царица, гневно глядя на меня сквозь узкие щели маски, одетой на лицо.

Тут и я спохватился и быстро упал на колени, пресмыкаясь подобно жрецу и молясь в душе о великой пощаде.

– Встаньте, – как-то гордо произнесла царица и повелением руки подняла нас обоих.

Да, так и было. Именно так. Один взмах руки и нас, словно пушинок, подняло вверх.

– Обойдите стол справа, – распорядилась Нефертити и указала пальцем куда.

Мы прошли в сторону и сделали так, как она говорила.

– Обойдите стол еще три раза, – снова сказала царица и так же указала рукой.

Мы сделали и это.

– Теперь, ты свободен, – сказала Нефертити, глядя на жреца, – поднимешься ко мне на рассвете. Я буду там. Иди.

Жрец снова склонился до самого низа и, не проронив ни слова, ушел прочь.

– Подойди ко мне ближе, – почти ласково сказала она и протянула свою довольно красивую руку.

Я подчинился и ступил ближе.

– Не бойся, грек, повинуйся слову моему, и ты возьмешь большее, нежели брал кто-то до тебя.

– А разве здесь можно что-то взять? – сразу спросил я и огляделся кругом.

– Да, можно. Но только не то, что ты думаешь, – улыбнулась она и тихо встала со своего небольшого стула.

– На вот, умойся, – сказала Нефертити и подала мне чашу. Я взял ее одной рукой, а другой начал протирать свое лицо, раз от раза макая руку в воду.

– Довольно, – сказала царица и протянула руку, чтобы забрать чашу.

Я нежно передал ее в руки и стал столбом, уставившись на Нефертити.

– Подожди меня, – произнесла она и, повернувшись, вышла из комнаты.

Я огляделся по сторонам.

Страх мой немного прошел, но изредка все же меня прорабала какая-то зябь. То ли от прохлады, исходящей от мокрого пола, то ли от внутренних переживаний, так сильно на меня воздействующим. Я не случайно назвал комнату золотой.

Все в ней было из золота. Даже стул, разукрашенный камнями и отделанный многими рисунками, был золотой.

Стол был серебряный, но кайма шла позолотой. По крайней мере, мне так тогда казалось. Ножки стола прямые с лишь небольшими изгибами ближе к полу. Скорее он напо-

минал разделочную доску, так как был длинным и не особо широким.

Были какие-то ручки по сторонам, также из золота и была посередине одна роспись.

Какой там рисунок я не успел разобрать, так как моя фея вернулась.

Шагнув на одну из ступенек высокого ложе, также сделанного из золота, царица улыбнулась мне и протянула руку.

– Иди же ко мне, мой дорогой и сладкий. Я и не знала, что Боги пошлют мне тебя.

Я непонимающе посмотрел ей в глаза и робко ступил на ту самую ступень, что привела меня полностью к власти царицы над моим телом. Почему-то дрожь пробежала по всему телу, и я невольно содрогнулся.

Нефертити взяла меня за руку и, положив ее себе на плечо, велела идти вперед.

– Иди, радость моя, солнце дня, уходящего в ночь. Веди меня, свою царицу в ложе, где я предам тебя древу любви и заставлю забыть, кто ты есть и почему сюда пришел. Я расскажу тебе многое и многое расскажешь ты мне сам. Эта ночь любви соединит нас навек, а дальше ты сделаешь выбор сам. Либо будешь со мною вовек, либо станешь управой грозюю.

– Чем, чем? – залепетал я на своем языке, еще не совсем понимая ее иноязычную речь.

– Это неважно, – тихо прошептала она. и провела пальца-

ми руки по моим губам.

Мой рот сомкнулся и я, казалось, застыл навек. Что-то сладкое пробежало по телу, и я содрогнулся вновь, но уже тише. Так тихо, что сам удивился.

«Очевидно, я умираю от любви», – так сказала мне моя душа, так как я сам уже говорить не мог. Я где-то парил в облаках, и глаза мои были устланы белым туманом.

– Очнись, милый мой, – зазвенел у меня в голове чей-то голос, и я открыл глаза.

Это была она. И это не то слово. Она была без маски. Такое лицо я не мог видеть нигде. Я закрыл глаза и снова открыл.

– Да, это я, – снова зазвучал мягкий голос у меня в ушах, – как нравлюсь я тебе?

– Ты прекрасна! – восхитительно крикнул я, но голос мой где-то застрял внизу и наружу почти ничего не вырвалось. Губы подчинялись только ей и словами больше я не возобладал.

– Слышу тебя, – пропел мне ее голос, – и знаю, что ты мне сказал. Верю тебе, – улыбнулась она вконец.

– О, Боги, – выдохнул я, – спасите меня. Она меня погубит.

Что-то больно укололо мне в сердце, и я вновь задрожал. Затем бессильно повалился на ложе, до которого мы, не знаю, как дошли, и только смотрел ей в глаза.

– Любишь ли ты меня? – звенел голосок в моих ушах.

– А, что такое любить? – хотел спросить я вслух, но ничего не получалось, и только ум мой излучал это, хотя очевидно сама Нефертити меня понимала.

Она только кивнула головой и улыбнулась снова.

Я не знаю, сколько тепла выделилось из ее глаз, и я не знаю, достоин ли я был этого. Но я знаю точно – оно поразило меня внутри и сразило буквально наповал.

– Ложись ровнее, – мягко сказала она и обронила свою руку мне на грудь.

От ее прикосновения я содрогнулся. Нет. Рука ее не была холодной, горячей или какой еще. Она была просто рукой.

Рукой неизведанного ранее мне тепла. Она одаряла меня ним с ног до головы, и оно же ударяло во все мои затаенные места.

Наверное, я потерял сознание, но вскоре вновь обрел себя и увидел ее.

Царица нежно смотрела мне в глаза, и я спросил:

– Ты всем даришь свое тепло, о жрица любви и счастья?!

– Да, всем, – честно призналась она, не отрывая взгляда от моего лица.

– Но сколько его у тебя? Ты не иссякаема? – удивился я сам своему вопросу.

– Может и так, а может и нет, – улыбнулась она, – скажи, нравлюсь ли я тебе?

– Да, о, царица небес. И я уже боюсь, что я тебя потеряю. Я это чувствую впервые. Но ответь мне еще на один вопрос, –

продолжал я свое все тем же немым методом, заставляя свой ум трудиться, – откуда твое тепло?

– Оно с небес, – мягко сказала она и провела вновь пальцами по моим губам.

– О, Боги, я могу говорить, – сказал я и даже услышал свой голос, который прогремел, как гром среди тихого дня.

– Тише, успокойся, – сказала Нефертити, – не говори так громко. Можно испугать тех, кто там остался за стеною, – она указала рукой куда-то вглубь темных коридоров.

– И ты завтра вновь повстречаешь кого-то другого и будешь отдавать ему свое тепло? – с некоторой ревностью и жадной одинокой принадлежностью спросил я.

– Да, – мягко улыбнулась царица, – это мой долг отдавать свое тепло.

– Но, если ты всем его будешь отдавать, то с чем останешься сама?

– С ним же. Оно неисчерпаемо. Я беру его отовсюду, – ответила мне фея любви и обвела рукой ложе.

– Что? Только здесь и только отсюда?

– Нет, – покачала она головой, – я беру его отовсюду.

– Со всей земли?

– Да, почти так. Но, давай, все же приступим к самой любви, ведь время уходит и дальше наступит ночь. А ночь – это холод. И тепла в ней мало.

– Да, – согласился я, и вмиг какой-то огненный поцелуй обжег мои губы, а сам я на время забыл вообще, что суще-

ствую...

– Это было прекрасно, – сквозь губы проговорил я, лишь только очнувшись от той самой большой любви.

– Не прерывайся, – мягко сказала она, и вновь мы слились в едином порыве, словно навеки.

– Да, – только и успел сказать я пред тем, как мы снова погрузились в какой-то сладкий сон.

Я сказал сон?

Но, это не так. Это была явь и кому, как не мне, понимать это более.

Мне – прошедшему сколько пути, мне – прождавшему сколько времени, мне – одичавшему и обезумевшему от желания постичь то, чего я толком не знаю.

Да. Это творила явь, и яркие краски играли надо мною и менялись так часто, что казалось, я сам превращусь скоро в них и растворюсь в небесах. Лишь на миг Нефертити оторвала себя, и я вновь очутился на Земле.

Но, дальше снова продолжил полет, увлекаясь все тем же и предаваясь чудесам самой божественной, что ни на есть, любви.

И так длилось долго. И еще, и еще я улетал куда-то далеко за пределы самой Земли и носился там в дивном саду цветущих радуг и умоляющих сладостей плодов, словно просящих – сорви меня и наслади моей мякотью свою огненную плоть или возьми меня, и ты узнаешь весь вкус от самого начала и до конца.

Только тогда я «просыпался» и оглядывался по сторонам.

Нет. Она не уходила. Она все еще была со мной рядом.

Ее тревожные губы продолжали нежно шептать ласкающие душу слова.

– Мой милый, небольшой человечек, – так говорила она и полыхала от жара тепла, невесть откуда прибывающего к нам и заполняющего до отказа комнату любви.

Я сказал комнату?

Но, это было не так. Вся земля наполнялась ею, и я страдал от этого так, как никогда не страдал более. Это ее тепло распространялось вокруг. И я уже видел сквозь полузакрытые веки какие-то странные огненные лучи то там, то там пронзающие, словно холодный меч, живое тепло той любви.

Вскоре моя голова вновь очутилась среди огня красок. И теперь они были повсюду. Вся комната играла ими.

А еще через совсем немного, все они обратились в меня самого. И я вдруг увидел себя совсем в стороне.

И надо признаться вам честно, я испугался.

Да, это был я. Точнее, моя светлая тень или мой призрак среди огромного количества сказочных красок.

Я ошеломленно посмотрел на богиню любви и обнаружил, что я действительно смотрю воочию и это мне не снится и даже не кажется.

– Это ты, – словно угадав мои мысли, тихо шепнула царица, – а это я, – и она ткнула пальцем куда-то в сторону от себя.

И тут я увидел нечто для себя странное и совсем выводящее меня из нетерпения знания всякого чуда. И здесь я просто спросил, узрев ее со стороны:

– Ты кто, жрица любви? Богиня счастья земного?

– Я любовь, – просто сказала она и провела пальцами по моим губам, отчего я сразу онемел и уже мог говорить только мыслью.

– Смотри и видь все, – произнесла она и той же ладонью словно открыла мне глаза.

Но они и так были открыты. Это я знаю точно. Я даже подергал веко на всякий случай, чтобы убедиться в этом дополнительно.

И тогда я увидел нечто. Нет, не пугающее или отталкивающее, не соблазняющее и приближающее к развязке внезапно охватившей страсти.

Я увидел то, чего не видел никогда боле и вряд ли увижу еще, если не останусь тут навеки или снова не стану в ту самую очередь, что привела меня сюда.

– Смотри и помни. Обозри все и запомнятуй себе вот что. Ты никогда и нигде больше не увидишь того, что предложу я сейчас. Это будет твоим небольшим учением и облачением в наши ряды, – она взмахнула рукой, и ее тень стала приближаться к моей.

Я уставился на это чудо и обозревал обоими глазами.

Я даже смотрел телом, так как оно у меня все напряглось и, казалось на время застыло. Но это уже было потом.

А вначале я расскажу о том, что видел.

Это не была она. И даже была мало похожа, хотя внешне различие не состояло.

Я пытался понять, что здесь другое и, наконец, до меня дошло. Ее тень была другой. Не такой, как у меня.

Она была очень светлой или, я бы сказал, какой-то святящейся и искристой, так как в сторону от нее то и дело отлетали небольшие огоньки тех самых искр. И еще я увидел, что она была слишком красива.

Слишком красива для меня и для других, что я даже боялся к ней сам прикоснуться. Всю ее светлую тень окружало сияние.

Что это было – я не знаю.

Или это краски составляли его, или это золотой прилив создавал свой оттенок. Но, я так запомнил все то.

Это золотая фигура Нефертити в проблесках светло искрящейся и полыхающей таким же огнем зари. Да. Именно так я тогда запомнил ее и потому повторяю то сейчас. И до сих пор мне почему-то становится жарко от того огня, и по сей день я умоляю себя вновь посмотреть на то чудо со стороны.

Время шло, и наши тени сближались. Вскоре они совсем сошлись и вмиг растворились в одной пелене.

«Это соединение душ», – так произнесла царица и окутала меня новым жаром любви уже совсем по земному, при-

бегая к моим губам. Я ответил ей тем же, и время понесло нас на своих крыльях дальше вглубь той самой непонятной для меня любви и самой изысканной из всей, которую я знал прежде и которую я могу знать сейчас.

Не буду вдаваться в подробности беспокоящей наступающей ночи и ограничусь лишь кратко.

То была настоящая любовь, и ее краткое

воспламенение зажгло во мне изнутри что-то такое, о котором я не могу сказать вслух и тем паче хоть как-то изложить по-другому. И это что-то было настоящим чувством привязанности к чему-то, и оно же слыло реально видимой любовью со стороны, если посмотреть на все это более рассудительно.

Мы очнулись. Говорю за обоих, так как царица также пребывала несколько минут в том же состоянии.

– Это было прекрасно, – тихо сказала она и поцеловала меня в лоб.

– Почему в лоб? – так же тихо спросил я, и мои губы едва-едва пошевелились. – Ты прощаешься со мною? – как-то жалко выдавил я из себя.

– Нет, мой дорогой человечек. Я не прощаюсь. Наоборот, я даю тебе возможность быть со мною рядом. Так велено Богами и так сотворю я это сейчас. Она поднялась и произнесла то, что я до сих пор не могу понять или разобрать. И лишь примерно я могу отобразить то сейчас.

И звучало все так:

Cante odore. Transvestivale do terminale. Aries montes. Dies tu mino. Casies runo. Transvestenale.., – и много еще слов, подобных этому, еще слетело с ее уст.

Но, я не запомнил их. И память запечатлела только немного. Но, я полагаю, что и этого достаточно, чтобы унять какой-то смысл и определить сказанное.

Затем она повернулась ко мне и, протянув руки в мою же сторону прямо к моему лицу, сказала так:

– Ты выйдешь отсюда и станешь царем. И имя ты получишь свое, и новое. Звать тебя будут Аменхотеп. И жить, и править тут будешь рядом. Я же – великая жрица любви, буду здесь и буду делать то же, что и ранее до тебя. Так повелел мне Бог и так говорю сейчас я.

– Что за имя ты мне дала? – как-то сонно спросил я и посмотрел ей в глаза.

– Имя простое. Аменхотеп. И я знаю, что оно значит.

– И, что же? – с нетерпением спросил я, вглядываясь в те же глаза, которые излучали яркое тепло.

– Пока оставлю это в великом секрете, – так сказала она, и ее тень или она сама, я не знаю, растворилась предо мной.

Когда же я открыл глаза, то стояло уже утро.

Царицы-жрицы нигде не было.

Я был горько покинут и к тому же находился где-то совсем в другом помещении.

Жрец, который проводил меня к царице, теперь сидел в

стороне и молчал.

Я окликнул его, и он тут же повернул голову. И словно встрепенулся.

– Что желаешь, царь? – так молвил он, мигом подходя ближе, склоняя предо мной колено, голову и протягивая руку, вторую же прижимая к сердцу, к груди

– Царь?! – удивленно воскликнул я и осмотрелся по сторонам, – я думал то все сон, – и вопросительно взглянул на жреца.

– Нет, не сон, царь, – произнес тот и, уже вставая, продолжил, – то, что так есть, уже известно всем. И там, за дверью, – он махнул куда-то в сторону, – тебя ждут дела и многие. Иди, умойся и приступай.

– А, что же царица? – мигом выпалил я, чувствуя в груди какой-то укол ревности и небольшую внутреннюю дрожь.

– Она на работе, – скромно ответил жрец и вновь махнул рукой.

– Работе?.. – удивился я. – Разве можно, чтобы царица работала? – попытался спасти свою честь и достоинство я сам, так как начал понимать, что выступаю сейчас в другой роли.

– Да, можно, – ответил мне жрец и почему-то улыбнулся, – не переживай так сильно. Это ее цель и ее трата времени. Так хотят Боги и так нужно всем.

– А как же я? – тупо уставился я на него.

– Ты свое получил, царь, – так же с усмешкой ответил жрец, – вставай, тебя тоже ждут дела.

Я подчинился и встал. Голова моя немного кружилась, но то вскоре прошло, и я последовал за жрецом вглубь каких-то коридоров, уводящих далеко от той самой двери, где, как тот говорил, меня ждали люди и дела.

– Пройдем другим путем, – спокойно сказал жрец, завидев мое недоумение, – надо показаться царице на глаза.

– Как? Сейчас? В такое время? – словно в какой-то попытке одна мысль об этом обожгла мне сердце.

– Да. «Ты должен усмотреть нечто», — сказал жрец и продолжил свой путь далее.

Я же с сомнением двигался следом, с каждым шагом ощущая ту тяготу в груди больше и больше.

Наконец, я не выдержал и остановился. Сердце мое бешено колотилось, руки дрожали, а ноги буквально опустили тело на пол.

– Что это со мной? – невольно вырвалось у меня, и я полностью осел на холодный пол.

– Сейчас узнаю, сказал жрец и, мигом обернувшись, взял меня за руки и поднял вновь.

– Ты болен, – дополнил он свои слова.

– Чем? – вяло спросил я.

– Укол ревности, – объяснил жрец, – но это пройдет. Не беспокойся. Пойдем за мной, а то царица, наверное, зажда-лась.

– Я не пойду туда. Я не могу. Иди сам, – ответил я и попытался вновь сесть на пол.

– Нет, ты пойдешь, – сказал жрец и уже не брал меня за руки, а просто протянул в мою сторону руки.

Меня, словно вихрем, подняло вверх, и я резко встал, выпрямившись во весь свой рост.

– Так-то лучше, – спокойно сказал мой проводник и добавил, – поверь, это пройдет и уже затем будет гораздо спокойнее. Это нужно для тебя, и ты поймешь потом зачем. Пошли.

Он повернулся и зашагал далее, я же поплелся следом, едва передвигая ноги и изредка притрагиваясь к самому себе, желая убедиться, что это такая же явь, как и все то, что я вижу и слышу.

Вот и дверь перед нами, а за нею та самая комната, где был я вчера, и где царица одарила меня своей великой любовью.

Жрец открыл ее предо мной и впустил меня внутрь.

Что происходило там – уже всем известно и говорить не буду. Думаю, вы сами должны понять меня и само собой уразуметь.

– Входи, милый, не бойся, – спокойно произнесла Нефертити и на минуту оставила своего нового «любовника». Так стал я именовать их, по очереди

входящих и выходящих, уносящих далеко за пределы царства частичку той самой светлой любви.

– Зачем я тебе понадобился? – как-то грубо спросил я, пытаюсь не смотреть на свою любовь и того самого «любовника» одновременно.

– Успокой себя и зайди вновь, – завидев мое настроение, сказала царица и повернулась ко мне спиной.

Я тупо повиновался. Вышел за дверь и немного там поостыл. Потом снова зашел, а войдя, замер.

Царица показывала тому самому человеку как раз то, что показывала и поясняла накануне мне. Я живо отвернулся и злобно сказал:

– Если ты хочешь пристрастить меня к чему то, то у тебя ничего не получится. Я уйду, видеть тебя больше не желаю.

Жрица посмотрела на меня, почти, как показалось мне, в упор. Затем, молча, кивнула и произнесла:

– Иди и больше не появляйся здесь. Скажи жрецу, чтоб отвел тебя помыть голову и руки.

– Хорошо, передам, – гордо и гневно сказал я, а затем, уже повернувшись, почему-то спросил, – а зачем это? Я ведь уже умылся?

– Давно на этом столе никто не созерцал самого себя, – сурово ответила царица и указала рукой на тот стол, который я ранее обрисовал вам.

– Что-о? – вопиющим голосом произнес я. – Ты хочешь меня принести в жертву своей изысканной любви?

– А, почему бы и нет. Не вижу причин для твоего отказа править здесь.

– Но я и не отказываюсь. Просто не хочу смотреть.

– Этого не будет. Или так, или по-другому. Выбирай!

– Ты в своем уме?! – в гневе выкрикнул я и в тот же миг

почувствовал, как мой рот сжался и наполнился чем-то особенным, от которого я даже сейчас иногда оказываюсь в холодном поту, чувствуя хоть малейшее подобное.

– Закрой свой рот и не перечь мне, – сурово произнесла она следом тому действию, – иди и исполняй то, что я велела.

– Но я не хочу, – чуть ли не закричал я сквозь полноту чем-то набитого рта.

– Это меня не тревожит, – произнесла царица.

– Хорошо, я согласен, – тут же понял я, что всякие мои «вывихи» могут закончиться весьма плачевно.

– Теперь уже поздно. – ответила царица, – иди мойся. Я проведу с тобой обряд смывания. И, если Боги разрешат – то оставлю тебя жить. Если же нет – то прощай, мой царь, – холодно добавила она и отвернулась, вплотную занявшись тем самым человеком, что уже порядком надоел мне, загнав почти в могилу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.